

КОМПАРАТИВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК – 82.02.821.161.2

Г.Г. КОРБИЧ,

доктор филологических наук

*адъюнкт кафедры украинистики Института российской филологии
Польского университета имени Адама Мицкевича (Познань)*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ МЫКОЛЫ ЕВШАНА (ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО, ТОЛСТОГО И ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ)

В произведениях Мыколы Евшана (1890–1919), ведущего критика раннего украинского модернизма, исследования по русской литературе занимают особое место. Анализ работ Евшана показывает, что он был связан как с литературой и философской мыслью Западной Европы, так и с русской литературной традицией. Он особенно уважал достижения русского реализма, полагая, что они имеют универсальную и вневременную ценность. В произведениях величайших российских писателей – Федора Достоевского и Льва Толстого – он надеялся найти ответы на вопросы экзистенциального и социального характера, которые беспокоили модернистов.

Ключевые слова: литературная критика, модернизм, художественный прием, эстетизм, психологизм, философская мысль, индивидуальность художника, литературное течение.

Мыкола Евшан (настоящая фамилия Федюшка) – первый в Украине профессиональный критик. В отличие от своих предшественников – украинских интеллектуалов XIX, а также рубежа XIX и XX столетий (Михайла Драгоманова, Ивана Франко, Леси Украинки и других), в многогранном творчестве которых литературная критика была одной из составных (наряду с писательской, публицистической, общественной деятельностью), Мыкола Евшан посвятил исключительно ей, литературной критике, свою недолгую жизнь (1890–1919). В многочисленных статьях, обзорах, рецензиях Евшана освещались вопросы как родной, украинской, литературы и шире – культуры, так и европейских литератур. Но о чём бы ни писал критик, обращаясь и к культурному наследию прошлого, и к актуальным проблемам своего времени, лейтмотивом его выступлений было обострённое восприятие современности, «нашей эпохи» в её отличии от старого, предыдущего, прошлого времени. По отношению, в частности, к родной культуре критика Евшана являлась отражением внутреннего конфликта – спора молодого творческого поколения со старым украинофильским народничеством и его изоляционистско-народнической идеологией. Концептуальной основой выступлений Евшана становятся критерии эстетизма, психологизма, философского углубления. Таким образом, Евшан – один из ярких представителей раннего украинского модернизма, который утверждает новое направление в координатах украинской культуры.

В современном украинском литературоведении Евшан наделён справедливой характеристикой как «нищеванец» и «западник», а также «европеец» по своей натуре и образцованию (окончил университет в Вене), «на которого особое влияние оказала немецкоязыч-

ная культура. Его Европа в своей сердцевине имела Австрию и Германию. Однако Евшан так же хорошо знал, состояние дел в польской и русской культуре» [1, с. 158]. Что касается польской, то Евшан, живя во Львове, находился фактически и по соседству и всередине этой культуры. Потому его выступления часто звучат с позиций обозревателя, делающего сообщения в свою культурную среду. Вместе с тем с профессиональной точки зрения они близки к экспрессивной по своему духу, тону и стилистике литературно-критической практике польских авторов, особенно Станислава Бжозовского – автора программного для польского модернизма цикла статей «Легенда Молодой Польши» («Legenda Młodej Polski»). Но если непосредственная близость польской культуры обнаруживает себя в творчестве Евшана явно или скрыто, то по отношению к русской литературе его интенции однозначно ясны и конкретны: углубиться в неё, отдалённую территориально и ментально, познать её тайны и, вероятнее всего, включить некоторые её достижения в построение собственной мировоззренческо-эстетической платформы.

В связи с этим Евшан ссылается не только на ряд западноевропейских авторитетов – представителей разных литературных эпох (Фолькельта, Рескина, Руссо, Гёте, Шопенгауэра, Ницше и многих других), но и обращается к русским мыслителям. Ему – человеку антипозитивистского времени – импонирует прежде всего максимализм Дмитрия Мережковского, который, как известно, возглавлял кружок символистов-богоискателей и в модернизме увидел наиболее эффективный способ борьбы с устаревшими формами культуры. Украинскому критику явно нравится, когда узости утилитарных интересов противопоставляются такие понятия, как размах и широта взглядов, вера в «божественное начало мира», в его вечность и бесконечность, а также в духе христианских добродетелей – способность к самопожертвованию и самоотречению, необходимая людям для усовершенствования. Эти индивидуальные принципы должны, по мнению Евшана, возлагаться в фундамент национальных интересов. Так что нельзя усматривать во взглядах критика некую «накладку» на украинскую почву ментальных констант россиян, которые проявляются в глубинном пласте их коллективного сознания: специфической широте русского характера как потребности в духовном и земном пространстве [2, с. 191–193]. В контексте евшановых рефлексий если и проступают контуры русского менталитета, то их роль, скорее всего, вспомогательная: подкрепить творческие силы в борьбе со старыми идеями, создать фон для духовного размаха, необходимый для утверждения нового миропонимания.

С похожих позиций проявляется у Евшана ещё одна особенность русского менталитета – коллективизм. Критик причисляет её к базовым понятиям своей программы, относящимся к творчеству, искусству и художнику. Вслед за Анатолием Луначарским, воспринимавшим новое искусство в духе национального менталитета, Евшан высказывает убеждения, что элитарное искусство создаётся обществом творческих индивидуальностей, охваченных общими художественными устремлениями и способностью эстетически переживать жизнь. Этот процесс подлжит «внутреннему закону соперничества», так как разными путями ведёт к достижению высшей цели – эстетического идеала. Так, наряду с ницшеанским восприятием творческой индивидуальности как гордой, одинокой в своём стремлении добиться цели, у критика рождается мысль о сборном характере нового искусства. Создаёт его не только сама по себе талантливая человеческая личность, но и группа людей-избранников (так что имеется в виду здесь не массовизм, а скорее всего элитарный коллективизм) [3, с. 13–14]. Евшан всячески поддерживает эту концепцию, считая актуальной для украинской культуры в то время, когда её развитие зависит не только от качества отдельных творческих проявлений, но и от их квалификативного количества. Таким образом, синкретическая литературная программа Евшана испытывает на себе влияние русской культурной мысли.

«Стержнем» евшанового критического дискурса является *свободная личность*. Концепт этот функционирует как квинтэссенция искусства, культуры, общества. Критик старается найти решения этой проблемы – свободы личности – в разных мировоззренческих теориях. Ницшеанские идеи индивидуализма сочетаются у него с другими аспектами философии. Обращается он отчасти к Максиму Штирнеру – немецкому теоретику индивидуалистического анархизма, обосновавшему путь к реализации свободы индивидуума в социологических категориях: борьбой с существующей действительностью, с государственным де-

спотизмом и бюрократическим аппаратом. Но Евшана больше волнует психологическая сторона проблемы. Он старается понять свободу индивидуума в ключе русских авторов (Дмитрия Мережковского, Василия Розанова, Владимира Соловьёва), то есть как внутреннюю проблему самого человека. Критик присматривается к личности Фёдора Достоевского, он чувствует возрастающую заинтересованность идеями писателя и на его родине, и в других странах, считает эту тенденцию «интересным симптомом времени». Причём инициатива популяризации творчества Достоевского принадлежит Мережковскому, Евшан же не только часто ссылается на этого критика, но до известной степени вникает в русскую литературу через призму его оценок и выводов. Он явно замечает, что ценность личности и её судьба у русских авторов противопоставлены значению и важности социального начала, господствующего на протяжении всего XIX в. Правда, это совсем не означало отказа от социальной проблематики, а свидетельствовало о новых мировоззренческих ориентирах, формировавших парадигму и проблемное поле в России и в Европе. Кроме того, в художественной системе Достоевского содержалась новая для европейского мышления парадигма «existens», стремящаяся увидеть бытие как жизнь (on he zoon), заменившая традиционное cogito – переживанием, понимаем жизни, интуицией [4, с. 133]. Мировоззренческие и психологические открытия Достоевского вели к утверждению примата внутренней свободы над внешней, отражали потребность общества в новом типе личности. И это также привлекало внимание украинского критика в его исканиях идейно-эстетических основ украинской современной идентичности, национальное становление которой переживало свой подъём как раз на рубеже XIX и XX вв.

Антропоцентризм был воспринят в качестве главного принципа русской литературы. Она, по мнению Евшана, сохраняет этот принцип, в отличие от современных западноевропейских литератур, теряющих его. Ибо в поисках эстетического идеала они создают установку на деструкцию, отрицая тем самым мировоззренческие устои, на которых зиждется фундамент каждой литературы. Согласно соображениям Евшана, человекоцентризм взаимодействует с натуралистической открытостью модерна, когда «в душе человека выступают нагими инстинкты и её тёмные стороны». Но вместе с тем антропоцентризм противодействует чистому эстетизму, поскольку важным является не «артистизм» (художественность – Г.К.) сам в себе, а «элемент чисто человеческий», когда «он выступает на первый план» [5, с. 415]. Внимание к человеку и его жизни порождает иной подход к реалистическому творчеству: оно трактуется у Евшана и его коллег по перу (молодых авторов модернистского журнала «Українська хата» Микиты Сриблянского и Андрия Товкачевского) не столько как художественный способ отображения действительности, сколько как миропонимание и «жизнетворчество», а также как большая культурная традиция, которая сложилась в России под воздействием реалистической художественной системы. То есть украинские модернисты не отрицают значения реалистического творчества в его русском варианте, а понимали его как настоящее искусство, как воплощённую в «высокую художественность» правду жизни. Концептуальность их наблюдений заключается в следующем высказывании Евшана об идейных позициях писателей России: «И страшные видения Достоевского, и «пессимизм» всей русской литературы не угнетают человека теми страшными картинками. Они все слишком искренние, и слишком любят человека. Убивая голой правдой жизни и души иллюзии, они словно очищают душу, как очищает гроза воздух. Я не могу даже видеть тут скептицизма. Пускай, что тут изображена безысходность, безнадежность, фатализм жизни, но чистота чувствований, невинность сердца и души человеческой таки остаются, не замазаны ничем, даже трудной школой жизни. Так вот, все высокие чувства любви, дружбы, посвящения и труда остаются непоколебимыми, благородные порывы и стремления не угасают в душе. Есть ценности, от которых, помимо всего, нельзя отречься и которые дают силу выдержать напор обыденности на жизнь и побороться с фатализмом» [5, с. 415–416]. Так, в начале XX в., вопреки смене литературных стилей, вкусов и художественных платформ, открывались в русской литературе необходимые для модернистского становления концепты: сосредоточенность на внутреннем мире человека и на художественных способах превращения обыденности в высокое искусство. Творчество Достоевского служило тому ярким примером.

Кстати, до Евшана, ещё в 1898 г., об универсальности реализма Достоевского писал Иван Франко. Он также противопоставлял русского писателя, но не модернистам, а Эмилию

Золя – самому видаючому представителю натуралізму, т. е. предыдущего, по отношению к модернизму, литературного направления. Франко тоже ставит в пример духовность, основанную на определяющем для русских писателей внимании к человеку, – в противовес Западу, что всё более поддается прагматизму. В сравнительной мини-студии Франко отыскивает похожие и отличительные черты в творчестве двух писателей. Они оба психоаналитики: «Любуются изучением человеческой душевной патологии, оба следят, так сказать, под микроскопом за человеческой душой в её самых тайных движениях». Но если французский писатель ставит человека в зависимость от социально-биологических обстоятельств его существования, центральным для него является материальный мир, а человек пребывает на втором плане, от чего малеет и беднеет его духовность («словно из-за тумана материальных фактов проявляется душа»), то русский автор занимает противоположные мировоззренческие и художественные позиции. Материальная среда у Достоевского очертана выразительно, но сжато, взамен того в центре внимания находятся персонажи и их внутренний мир. «Люди стоят на первом плане, – отмечает Франко, – а их душевное состояние является той атмосферой, что пронизывает, заполняет всю повесть, передаётся читателю, мучит и потрясает его» [6, с. 305]. Соответственно и сама «душа» наделена индивидуальными признаками: у героев французского прозаика она «заурядная, обыденная, неглубокая, несложная», ибо придавлена материальными интересами. А у Достоевского «идиоты говорят, как философы, чувствуют всё безмерно тонко, судят безмерно быстро, видят ясно» [6, с. 305]. В сравнении с Достоевским ярче проявляется тенденциозность социологизма Золя, влияние которого долго испытывал и сам Франко, стремясь в своём раннем творчестве во всём походить на французского писателя. Но, как видно, русская духовность вносит коррективы в восприятие идейно-художественной сущности мировой литературы и её ценностных ориентиров и тем самым формирует мировоззренческие и художественные взгляды украинских критиков.

Что же касается Евшана, то он воспринимал творчество и Достоевского, и Толстого как ответ на вызов своего времени, ибо чувствовал, что им удалось проникнуть в тайны человеческого бытия: первый, повторяет критик за Мережковским, – «ясновидец духа», второй – «ясновидец плоти». Имена этих писателей в начале XX в. становились знаковыми, а их романы – универсальными. В творчестве Достоевского и Толстого была достигнута максимальная целостность и широта изображаемого мира. В них были проявлены всеобъемлющие оптимистические концепции мира и человека, отвечающие как на экзистенциальные, так и на социальные вопросы [7, с. 133].

Истины, провозглашённые этими писателями, звучат для украинского критика вполне убедительно, а сложное и противоречивое творческое самоопределение, в частности, Толстого становится понятным, поддающимся критическому объяснению. Оно целиком отвечает модернистским категориям «двойственности», «душевного раздвоения», которые использует Евшан для литературных портретов и писательских характеристик. Необходимо отметить, что литературно-критическая практика Евшана была прямым отрицанием позитивистского биографического метода, который, пренебрегая возможностью проникновения в тайны человеческой природы, создавал предпосылки для мифологизации объекта своей заинтересованности. В осмыслении творчества «великих писателей» позитивисты мало принимали во внимание их особенности как человеческих индивидуальностей, не учитывали противостояний с внутренними силами (а не только с внешними факторами), не признавали в гениальной личности её слабостей и недостатков. Каждое исследование художественного дарования, сделанное Евшаном, в отличие от традиционного биографизма, содержит, по сути, явное, заявленное критиком в статьях, или же затаенное в их контексте, стремление демифологизировать творческую индивидуальность – показать живого человека, а не идеальный холодный образ. Метод критика даже нельзя однозначно назвать психобиографическим, поскольку в нём преобладает углублённое понимание творческого акта и «вынос на люди» его результатов – духовных «созданий», сознательно минуя при этом чисто биографические факты. Специфичность творческого проявления раскрывается вследствие устремлений критика проникнуть в психику творца и даже больше – дойти до первичных психологических импульсов, их преобразования и развития, показать взаимодействие человеческой природы и внешних обстоятельств. А это, собственно говоря, неред-

ко и обуславливает тематику и проблематику художественных произведений. Такой подход характерен для всех статей Евшана, в равной мере посвящённых творчеству и украинских писателей (Леси Украинки, Ольги Кобылянской, Тараса Шевченко, Ивана Франко, Михайла Коцюбинского, Агатангела Крымского, Владимира Винниченко, Михайла Яцкива и др.), и зарубежных (Жан Жака Руссо, Генриха фон Кляйста, Германа Банга, Редьярда Киплинга, Марии Конопницкой, Зигмунта Красицкого, Ярослава Врхлицкого и др.).

В таком же аналитическом ключе Евшан старался объяснить своеобразие личности и убеждений Толстого. Критику удалось это отчасти, поскольку его знакомство с великими русскими писателями Достоевским и Толстым только начиналось. Намерениям глубже и интенсивнее проникнуть в недра их духовного мира не суждено было развиваться, ведь Евшан прожил очень короткую жизнь. Его непосредственное обращение к Толстому состоялось в связи со смертью писателя. Евшан откликнулся на неё статьёй «Лев Толстой (1828–1910)». Следует напомнить, что кончина писателя, а также его юбилей в 1908 г. всколыхнули весь культурный мир. Для русской и для европейской литературной мысли эти два события стали поводом понять сложную личность Толстого. Но если русские литераторы в основном старались «развязать» парадоксальное переплетение трёх стихий в жизни писателя – эстетической, этической и религиозной (Василий Розанов), то их западноевропейских коллег привлекала разгадка неоднозначной натуры автора «Войны и мира». Среди двух его ипостасей – великий художник-беллетрист и религиозный мыслитель, проповедник новых жизненных нравственных принципов – на первый план выдвигалась вторая ипостась. За рубежом религиозно-нравственное учение Толстого нередко расчищало дорогу Толстому-художнику [8, с. 160]. Украинские авторы тоже отреагировали на эти события. Например, вышли две публикации «Юбилей Льва Толстого» и «Смерть Толстого» известного историка и общественного деятеля Михайла Грушевского. Он, в частности, утверждал, что сам лично в «контактах с западноевропейской жизнью» заметил возрастание влияния «на современного европейца» русских мировоззренческо-философских и религиозных идей Достоевского и Толстого, и тоже старался понять феномен Толстого. Но в отличие от большинства толкований, в которых разделяются две ипостаси творческой натуры писателя, Грушевский старался найти их общий знаменатель как источник преобразования Толстого. Он видит его в художественной деятельности писателя, в его романах: «морализаторское течение» начало явно пробиваться уже в «Анне Карениной» (учёный относит роман к первой половине творчества Толстого), оно развивалось дальше (Толстой «ставит в своих художественных произведениях проблему практической нравственности человека») вплоть до самопроявления – сознательной деятельности в качестве реформатора религиозных и нравственных устоев жизни [9, с. 535].

Но если в интерпретации Грушевского система этических взглядов Толстого формируется в художественном творчестве, то в понимании Евшана она складывается в мировоззренческой сфере, то есть отдельно от художественного творчества, и даже является его антитезисом. Таким образом, постановка проблемы у Евшана созвучна западноевропейскому толкованию. Но вместе с тем молодой украинский критик, идя в этом русле, старается дать своё осмысление. По его мнению, Толстым сделан свободный выбор (а свободу выбора модернисты ценили превыше всего): пожертвовать искусством как своим еством, свойством своей натуры, в пользу навязанным извне идеям общественных преобразований и внутреннего самосовершенствования человека. Для Евшана Толстой – «раб опинии», ибо императивом своей жизни он сделал служение этим общественным интересам, а его этические и религиозные поиски заблокировали эстетическое выражение творческой мысли. Этот переход, однако, таит в себе глубокий смысл. Ибо Толстому удалось определить диалектику поиска человеком полной гармонии со своей природой – гармонии телесного и духовного начал («той стороны плоти, что обращена к духу, и той стороны духа, что обращена к плоти, – таинственной области, где довершается борьба между зверем и Богом в человеке») [10, с. 296]. Однако достижение этого консенсуса стало началом трагического раздвоения личности Толстого и одновременно исходным пунктом его идейных исканий. Они увенчались, как считает Евшан, глубоким пониманием сути индивидуальной свободы человека. Но если художник мог бы прийти к истине, благодаря своему чутью провидца, – в случае Толстого это произошло бы «сразу, без усилий и трудностей, яс-

новидением художника только», – то Толстой-мыслитель выбрал тернистый путь отречений и отрицаний, в результате чего и свершилось «самоумерщвление и самоубийство» художественного гения.

Итак, согласно Евшану, трагедия Толстого заключалась в раздвоении между интуицией и разумом – свободным в своём художественном призвании творцом и проповедником нравственных, социально значимых доктрин, в отрицании первого вторым, в расщеплении между естественностью проявления чувств и принудительностью создания этических и религиозных догм («у себя самого подавлял стихию, поток бурной жизни мёртвыми абстракциями морали») [10, с. 296]. Плоскость, на которой расходятся, минув себя, Толстой-художник и Толстой-проповедник, – это искусство. Евшан упрекает писателя, что он стал пренебрегать литературой в пользу религии, а вернее – не воспринимал искусство как религию. В эстетических проекциях критика искусство – это Абсолют, его самодостаточность и эстетическая ценность – вне всяких сомнений. Так же априори воспринимает критик онтологическое свойство искусства, его бытие, в котором сосредоточены, по его мнению, все формы человеческого существования, природные и искусственные, в том числе этические и религиозные, в которых нашло себе опору учение Толстого. Евшан не мог понять, как этого не ощущал великий художник с его умением проникать в тайны духовного бытия: «Так ведь он забыл, – с удивлением констатировал критик, – что искусство является таким же высоким, как всё иное, чего начало он выводил от Бога, он забыл, что, собственно, самое высокое искусство есть самой высокой религией, что в нём объединяются все элементы людской природы с элементами морали, что эстетика – есть вместе с тем моралью» [10, с. 297].

Таким образом, вокруг личности Толстого варьируются понятия «писатель и мыслитель». Они, безусловно, могут иметь и нейтральное значение, характеризую главные черты творческой деятельности Толстого и будучи своего рода доминантами в определении её свойств. Однако украинский автор наделяет эти понятия проблематичным содержанием, вводя антиномию, нетипичную оппозицию. Это усиливает сложность и противоречивую сущность гениальной личности, но вместе с тем сигнализирует и о новом смысле её внутренних противоречий, когда индивидуализм уравнивается социальным измерением личности. В европейской философской мысли XX в. это положение возникнет в качестве проблемы взаимодействия *индивида/общества, я / мы*, дополненной амбивалентностью оппозиции. Каждая её часть может иметь и положительное, и отрицательное значение, что исключает их абсолютизацию (персонализм Мерло-Понти, диалогизм Рикера и Бахтина, экзистенциализм Бердяева, Хайдеггера, Ясперса – это всего лишь одинокие эскизные примеры ведущей философской проблематики, контуры которой начинали проявляться в украинской литературно-критической мысли на пороге XX ст.).

Радикальность суждений украинского критика можна объяснить не только его молодостью, но и тем фактом, что он старался понять автора «Воскресения» посредством характеристики Мережковского, а также обобщая популярные на Западе выводы. Можно предположить, что отдельный, самостоятельный анализ теоретико-публицистических работ Толстого и, в особенности, его философского трактата «Что такое искусство?», возможно, привёл бы критика к выравниванию составных элементов формулы «писатель и мыслитель» и усилил бы трактовку идейного наследия писателя. Присущее Евшану доверие к собственной интуиции, не исключено, могло бы посодействовать выводу, что творчество Толстого становилось не только созвучным основным тенденциям европейской философской рефлексии, но и во многом модифицировало их. Ведь известно, что поднятые писателем проблемы соотношения индивидуального и общественного, а именно – трагизм противостояния человеческого индивидуальности «общепринятым» (а, следовательно, лично никому не пригодным) нормам морали, иррационализм действий значительных масс людей, сопряжённый с абсурдом умонастроений так называемых лидеров, пафос прощения ближнего и лишь таким образом обретения индивидуального личного спасения – оказались гениальными «опережающими отражениями» идей экзистенциализма, гандизма, неофрейдизма и других [11, с. 1043–1044]. Но и в том литературно-критическом наследии Евшана, которое дошло до наших дней, русская литературно-философская проблематика занимает важное место: вопреки тому, что существует на уровне подходов, приближений,

осмотров и не разворачивается в широкое и многогранное осмысление, она несёт в себе выразительные следы восприятия и освоения как своего рода «активного отбора» проблем, волнующих 20-летнего критика.

Кроме того, стоит отметить, что в восприятии украинских авторов (Евшана, Грушевского, Франко и др.) творчество Толстого «выходит» далеко за пределы России и её общественно-культурной жизни и относится к достоянию мировой философско-художественной мысли. Напряжённые поиски установления царства Божьего на земле, проповеди очищенного от догм и искривлений христианства имели большое влияние на духовное становление людей во многих странах мира. Толстой ясно увидел и выразительно передал неустойчивость человеческой психики, противоречивость «жизни души», столкновения в человеке духовного и животного начал и т. п. С этой точки зрения личность Толстого, его мысли и искания в художественной литературе и религии воспринимались украинскими интеллектуалами как факторы, что на идейном, психологическом и художественном уровнях формируют мировоззрение «нашей эпохи», переходной поры конца XIX – начала XX вв. и одновременно указывают путь морального совершенствования.

Творчество русских реалистов, прежде всего Достоевского и Толстого, их сосредоточенность на масштабных проблемах духовной жизни, а также на утверждении ценности человека в социальном мире, по-особому приближали русский реализм как к западно-европейским, так и к украинским модернистам. «Переключение» внимания с социума на внутренний мир человека, осуществлённое в произведениях Достоевского и Толстого, положено в основу собственного модернистского мировоззрения многими адептами «нового искусства», в том числе и молодым украинским критиком Мыколой Евшаном.

Список использованной литературы

1. Павличко Соломія. Дискурс модернізму в українській літературі / Соломія Павличко. – К.: Либідь, 1999. – 447 с.
2. Мчедлов М.П. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь / М.П. Мчедлов. – М.: Республика, 2001. – 544 с.
3. Євшан Микола. Проблеми творчості / Микола Євшан // Критика. Літературознавство. Естетика. – К.: Основи, 1998. – С. 12–17.
4. Biełousowa Wiera. Związki niekonwencjonalne literatury i filozofii (Mikołaj Gogol, Wasilij Rozanow) – Нетрадиционные связи литературы и философии (Николай Гоголь, Василий Розанов) / Biełousowa Wiera. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 1999. – 197 с.
5. Євшан Микола. Герман Банґ, артист і чоловік: Психологічна студія / Микола Євшан // Критика. Літературознавство. Естетика. – К.: Основи, 1998. – С. 410–421.
6. Франко Іван. Еміль Золя, його життя і писання / Іван Франко // Зібрання творів у 50 т. – К.: Наукова думка, 1981. – Т. 31. – С. 275–307.
7. Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях / В.Я. Линков. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. – 193 с.
8. Лаврин Янко. Лев Толстой сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением документов и иллюстраций) / пер. с нем. Олега Мичковского / Янко Лаврин. – Челябинск: Урал LDT, 1999. – 464 с.
9. Грушевський Михайло. Юбилей Льва Толстого / Михайло Грушевський // Літературно-науковий вісник. – К., 1908. – Т. 43. – Кн. 9. – С. 531–542.
10. Євшан Микола. Лев Толстой (1828–1910) / Микола Євшан // Критика. Літературознавство. Естетика. – К.: Основи, 1998. – С. 292–307.
11. Грицанов А.Л. Новейший философский словарь / А.Л. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.

У творах Миколи Євшана (1890–1919), провідного критика раннього українського модернізму, дослідження з російської літератури посідають особливе місце. Аналіз робіт Євшана дозволяє дійти висновку, що він був пов'язаний як із літературою та філософською думкою Західної Європи, так і з

російською літературною традицією. Він особливо поважав досягнення російського реалізму, вважаючи, що вони мають універсальну та позачасову цінність. У творах великих російських письменників – Федора Достоєвського та Льва Толстого – він сподівався знайти відповіді на питання екзистенційного та соціального характеру, що турбували модерністів.

Ключові слова: літературна критика, модернізм, художній засіб, естетизм, психологізм, філософська думка, індивідуальність митця, літературна течія.

In the works of Mykola Yevshan (1890–1919), the leading critic of early Ukrainian modernism, the issue of Russian literature is of particular significance. The analysis of Yevshan's papers shows that he related both to the literature and philosophical thought of Western Europe as well as Russian literary tradition. He particularly esteemed the achievements of Russian realism, considering them as having universal and ageless values. In the works of the greatest Russian writers, Fyodor Dostoyevsky and Leo Tolstoy, he hoped to find answers to questions of existential and social nature which troubled modernists.

Key words: literary criticism, modernism, reception, aestheticism, psychologism, philosophical thought, artist's personality, literary trend.

Надійшло до редакції 12.07.2011.